

Краснов Андрей Николаевич

**По островам далекого
Востока. Путевые очерки А.
Н. Краснова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Николаевич К.**
По островам далекого Востока. Путевые очерки А.Н. Краснова / Краснов
Андрей Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 443 с.

ISBN 978-5-519-90914-3

ISBN 978-5-519-90914-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

На борту парохода «Москва».

Отплытіе изъ Одессы. — Константинополь. — Портъ-Саидъ. — Красное море. — Перимъ. — Плаваніе по тропическимъ морямъ. — Остановка въ портахъ Сѣверно-Китайскаго моря.

9 апрѣля 1892 года, въ 4^{1/2} ч. пополудни, пароходъ добровольнаго флота «Москва» отходилъ изъ Одессы въ обычное дальнее плаваніе во Владивостокъ. Толпа народа, стоя на набережной, провожала его послѣдними привѣтствіями и пожеланіями счастливаго пути. Окончился молебенъ, сыграли музыканты гимнъ, отданъ былъ послѣдній свистокъ, и громадное красивое двухмачтовое судно, бурля винтомъ прибрежныя воды, стало медленно отдѣляться отъ берега. Сплоченная толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей махала на берегу платками, перебрасываясь послѣдними словами съ собравшимися на кормѣ путешественниками. Слышались обычные пожеланія, послѣднія порученія, просьбы. Мало-по-малу судно отдѣлилось отъ пристани, сдѣлало поворотъ и медленнымъ ходомъ стало удаляться отъ берега. Передъ глазами отъѣзжающихъ обрисовалась вся набережная съ ея зданіями, со стоявшею и махавшею бѣлыми платками толпою, съ высокимъ уступомъ берега и выше расположенными домами. Гулъ прощальныхъ привѣтствій стихалъ, заглушаемый шумомъ парохода; съ высоты судна видно было, какъ стала расходиться толпа, разѣзжаться извоишки. Набережная пустѣла, становясь все меньше и меньше, по мѣрѣ удаленія парохода, ступиваясь въ общей панорамѣ зданій Одес-

сы, теперь во всей красотѣ представшей передъ нами. Пассажиры все еще толпились у борта — одни, ища биноклемъ въ слившейся въ одну массу толпѣ своихъ родныхъ, другіе, — провожая взоромъ берега родины, быть-можетъ, навсегда покидаемые.

Я также стоялъ у борта, погруженный въ раздумье. Я смотрѣлъ, какъ городъ медленно уходилъ изъ круга моего зрѣнія, какъ сливались въ общую массу улицы, дома и строенія, какъ все это соединялось, наконецъ, съ сѣрой линіей берега, которая въ свою очередь тонула въ сѣрой туманной атмосферѣ свѣжаго весенняго вечера, — и невольно закрадывалась мысль: а что; если этотъ потонувшій въ сумракѣ родной край и все дорогое, что съ нимъ связано, больше не увидишь никогда, не возвратишься къ нему снова? Чтобы не думать объ этомъ, я отошелъ отъ борта и постарался разсѣяться наблюденіемъ надъ тѣмъ, что совершается на суднѣ съ его экипажемъ и пассажирами — этомъ маленькомъ островкѣ, оставшемся отъ Россіи, который на цѣлый мѣсяцъ, отдѣленный отъ нея разстояніемъ въ нѣсколько тысячъ верстъ, будетъ предоставленъ всѣмъ невзгодамъ долгаго плаванія.

Молодой корабельный ученикъ принеся лагъ и сталъ привинчивать его къ кормовой части судна. Нѣсколько любопытныхъ обратились къ нему съ вопросами о значеніи инструмента, на которые онъ весьма любезно далъ обстоятельный отвѣтъ. Начиналась «мертвая зыбь», столь непріятная въ нашемъ Черномъ морѣ. Многіе изъ пассажировъ I-го класса удалились съ палубы. Въ III-мъ классѣ начались сцены отдаванія дани Нептуну — столь неизбежныя и столь непріятныя въ морскомъ плаваніи. На «Москвѣ», какъ и на большинствѣ нашихъ судовъ добровольнаго флота, въ сущности — два класса. Это каюты, соотвѣтствующія I-му классу другихъ пароходовъ, и «трюмы», назначенные для пассажировъ 3-го класса, изъ коихъ нѣкоторые помѣщаются большею частью временно на палубѣ, какъ пассажиры 4-го класса. Этихъ послѣднихъ мы везли

больше 600 человекъ. Тутъ было нѣсколько новобранцевъ изъ евреевъ и малороссовъ, отправляемыхъ въ Восточную Сибирь, нѣсколько мелкихъ коммерсантовъ и мѣщанъ. Но главную массу составляли переселенцы изъ южной Россіи,—малороссы изъ губерній: Харьковской, Воронежской, Черниговской и Кубанской области. Особенно много было черниговцевъ; они заняли всю переднюю часть судна, гдѣ старики, парубки, женщины и дѣти буквально были набиты какъ сельди въ бочкѣ. Эта масса народа, грязнаго вообще и вдвойнѣ непривлекательнаго въ первые дни во время волненія, составляла главный контингентъ пассажировъ.

Что касается пассажировъ нашей каютъ-компаніи, то здѣшняя публика, если не считать служащаго персонала парохода, состояла частью изъ офицеровъ, недавно кончившихъ ученіе и ѣхавшихъ на службу на Амуръ, дѣятелей будущей сибирской желѣзной дороги, отъ высшихъ чиновъ до подрядчиковъ включительно, чиновниковъ тюремнаго вѣдомства, уже бывшихъ на Сахалинѣ или вновь туда назначенныхъ, да нѣсколькихъ коммерсантовъ, ѣхавшихъ во Владивостокъ;—за исключеніемъ консула и атташе русскаго посольства въ Японіи и жены нашего-же консула въ Сингапурѣ, все—русскіе пассажиры, ѣдущіе на дальній Востокъ. Таковъ бываетъ характеръ каютъ-компаніи и другихъ рейсовъ. Иностранцы, ѣдущіе въ промежуточные порты, весьма рѣдко встрѣчаются на судахъ добровольнаго флота.

Въ 6 часовъ раздался звонокъ къ обѣду. Мы собрались въ просторной каютъ-компаніи парохода; начались первыя знакомства, и сразу установился тотъ строй жизни, который затѣмъ потянулся цѣлыя недѣли скучнаго плаванія, гдѣ одинъ день похожъ на другой, гдѣ такія происшествія, которыя въ обыденной жизни не обращаютъ на себя ничего вниманія, являются цѣлымъ событіемъ.

Сильно ошибается тотъ, кто разсчитываетъ, дѣлая

рейсъ отъ Одессы до Владивостока, посмотрѣть на заморскія страны. Какъ ни скученъ и ни утомителенъ сибирскій трактъ, все-таки здѣсь ѣдущій во Владивостокъ получить больше впечатлѣній, нежели при морскомъ путешествіи вокругъ Азіи. На обратномъ пути пароходъ заходитъ грузиться въ Индію, въ Китай, иногда въ Маниллу, на Филиппинскіе острова; на пути-же въ Сибирь судно нагружено уже въ Одессѣ; сверхъ того, оно везетъ переселенцевъ или каторжныхъ. Всѣ эти элементы весьма неудобны при остановкахъ въ иностранныхъ гаваняхъ, остановкахъ, сопряженныхъ, сверхъ того, съ колоссальными расходами. Каждый лишній день простоя въ гавани, гдѣ приходится платить содержаніе экипажу золотомъ, гдѣ сверхъ того надо кормить всю массу пассажировъ 3-го класса, составляетъ расходъ настолько значительный, что, прибавляя сюда и плату за простой въ портѣ, особенно высокую для русскихъ судовъ, дѣлаетъ остановки крайне нежелательными для флота. Наконецъ, есть почти всегда рискъ занесенія на пароходъ какой-либо болѣзни. Все это заставляетъ капитановъ (которымъ тоже порядкомъ надоѣли всѣ эти порты, откуда уѣхать далѣе ближайшаго отеля имъ рѣдко позволяютъ дѣла службы) по возможности избѣгать остановокъ, или дѣлать ихъ весьма краткосрочными. Потому-то интересъ поѣздки сосредоточивается на ѣдѣ и разговорахъ, а для нѣкоторыхъ—на картахъ, но отнюдь не на путевыхъ впечатлѣніяхъ. Въ 9 часовъ чай, въ 11—завтракъ изъ двухъ блюдъ и закуски; въ 2 часа—опять чай, но уже безъ хлѣба, въ 6—обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, въ 9—вечерній чай—вотъ главные впечатлѣнія дня. Нашъ поваръ, малороссъ, хотя готовилъ сносно, но очевидно былъ большимъ патріотомъ и плохимъ гастрономомъ: блюда вродѣ жирнаго борща, голубцовъ, котлетъ и другихъ тяжелыхъ кушаній, хорошо варимыхъ желудкомъ въ холодной атмосферѣ нашего сѣвера, постоянно появлялись на столѣ, и хотя вся провизія была свѣжая, но она какъ-то плохо вязалась съ раз-

слабляющимъ климатомъ экваторіальныхъ морей. Хотѣлось больше зелени, льда, фруктовъ, и невольно вспоминались преимущества легкаго французскаго стола. Первую половину пути пассажиры группируются по отдѣльнымъ, болѣе однороднымъ кучкамъ; затѣмъ наступаетъ періодъ общихъ разговоровъ и мелкихъ ссоръ; но подъ-конецъ путешествія все надоѣдаетъ, и тоска и скука водворяются въ каютъ-компаніи. Даже книгу, и ту не хочется читать въ разслабляющей атмосферѣ тропиковъ. Вообще, впечатлѣній въ поѣздкѣ мало,—не болѣе, чѣмъ сколько нужно, чтобы не довести человѣка до полного отупѣнія.

Послѣ полутора сутокъ плаванія въ холодной и туманной весенней атмосферѣ Чернаго моря, не особенно гостепріимно провожавшаго нашъ пароходъ, мы на третій день среди густого тумана вошли въ устье Босфора. Туманъ и ненастье отняли много прелести у его живописныхъ и сильно укрѣпленныхъ береговъ. Но хотя ландшафтъ и имѣлъ видъ худо проявленнаго фотографическаго оттиска, нельзя было не замѣтить восхитительнаго разнообразія берега, съ красотою котораго едва сравнятся лучшія изъ панорамъ Западной Европы. Въ 2 часа мы уже стояли противъ такъ-называемой Олеандровой башни въ Константинополѣ, а черезъ нѣсколько минутъ паровой катеръ уже везъ насъ на берегъ Стамбула, куда насъ отпустили съ условіемъ къ 7 часамъ быть на борту. Пять часовъ—срокъ слишкомъ малый для ознакомленія съ городомъ настолько, чтобы имѣть право говорить о немъ что-либо. Кромѣ того, столица Оттоманской имперіи описывалась столько разъ, что съ характеромъ ея знакомо большинство читателей. Поэтому распространяться здѣсь о мечети Софіи, о базарѣ, о европейскомъ кварталѣ или о внѣшности города было-бы излишне. Не могу, однако, не сказать двухъ словъ объ общемъ впечатлѣніи, какое произвелъ на меня городъ.

Всякій, конечно, слыжалъ, что панорама Стамбула съ его дворцами, высокими бѣлыми минаретами, церквами

восхитительна со стороны Босфора, и что этотъ-же самый городъ грязенъ и отвратителенъ внутри. Мнѣніе это безусловно вѣрно, но я къ нему прибавилъ-бы еще, что Константинополь чуть не единственный городъ Европы, который имѣетъ черты города чисто азіятскаго. И въ Неаполѣ улицы грязны, и воздухъ въ нихъ зловонный, и въ Неаполѣ господствуетъ уличная жизнь; но жизнь городовъ Италіи и Испаніи далеко не имѣетъ тѣхъ средне-азіятскихъ чертъ, какъ въ Константинополѣ. Здѣсь по узенькимъ улицамъ, вымощеннымъ безобразными кусками камня, струится жидкая грязь. Нижніе этажи домовъ—лавки, безъ оконъ, съ одною большою дверью, передъ которою сидятъ торговцы, или работаютъ ремесленники; вторые и третьи этажи грязныхъ облупленныхъ домовъ имѣютъ неправильно расположенныя окна, закрытыя жалюзи. Что-то среднее между улицею Бухары и туземной частью Тифлиса представляютъ тѣсныя, зловонныя кварталы Стамбула, и узкія неопрятныя конки, похожія на наши арестантскіе вагоны и кое-какъ пробирающіяся по улицамъ, представляютъ какую-то пародію на этотъ экипажъ. Базаръ съ его безконечными рядами узкихъ, заваленныхъ товарами проходовъ—полное подобіе тѣхъ базаровъ, какіе теперь устроены у насъ въ Ташкентѣ. Всѣ эти черты Константинополя—чисто азіятскія. Но когда извошикъ, ловко правя фаэтономъ, вывезетъ васъ изъ этой зловонной торговой старой части въ Пери,—вы сейчасъ переноситесь въ Европу. Итальянскаго типа палацо съ садиками и роскошными видами, тишина вмѣсто шума и гвалта, порядокъ въ улицахъ и постройкахъ намѣсто пестрой, напоминающей московскую, смѣси лачугъ съ дворцами—все это говоритъ за то, что здѣсь царствуетъ европеецъ, и что настоящій Стамбулъ есть лишь пригородъ, туземный кварталъ господствующаго надъ краемъ европейскаго города. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается осмотромъ Софійскаго собора. Мы были подъ исплинскими и величественными сводами бывшаго христіан-

скаго храма во время магометанскаго поста. Насъ пустили лишь на хоры, и съ ихъ громадной высоты мы могли созерцать все пространство мечети, по очертаніямъ своимъ сохранившей всѣ особенности христіанскаго храма. Мы видѣли подъ собой массу турокъ, сидѣвшихъ на циновкахъ, устилающихъ полъ, стоявшихъ и ходившихъ по мечети, которые всѣ громко кричали, каждый свою молитву, и ихъ крики сливались въ одинъ общій гулъ толпы. На выступахъ потолка были повѣшены громадной величины синіе круглые щиты съ арабскими надписями. Эти щиты, если не считать свѣщенныхъ люстръ, были единственнымъ украшеніемъ громадныхъ стѣнъ собора. Общее впечатлѣніе этой на разные тоны галдящей въ необъятныхъ стѣнахъ собора толпы было такое, будто толпа варваровъ только-что ворвалась въ еще неотдѣланный храмъ и, воспользовавшись его стѣнами для военныхъ совѣщаній, обсуждаетъ свои дѣла. Другое, что не менѣе поразило меня въ Константинополѣ, это масса народа, говорящаго по-русски. На базарѣ, на улицахъ торговцы обращались къ намъ постоянно на русскомъ языкѣ, и казалось, что проѣзжаешь гдѣ-нибудь въ Туркестанѣ, а не въ чужомъ государствѣ. Таково было общее впечатлѣніе, которое оставилъ у меня бѣглый осмотръ столицы Оттоманской Имперіи.

Когда на другое утро я вышелъ на палубу, мы были уже въ Дарданеллахъ. Сильный сѣверозападный вѣтеръ, приносившій намъ туманъ въ Босфорѣ и мочившій дождемъ въ Константинополѣ, здѣсь уже терялъ свою силу, встрѣчая нагрѣтую сушу. Облака и туманъ, имъ приносимые, здѣсь превращались въ легкую дымку, застилающую горизонтъ, дѣлавшую неясными очертанія отдаленныхъ предметовъ. Но берега Дарданеллъ, проносившіеся мимо насъ столь-же близко, какъ и берега Босфора, позволяли разсматривать всѣ детали ихъ очертаній. Но здѣсь не было и сотой доли тѣхъ красотъ, которыя даже черезъ вуаль тумана приводили въ восторгъ на Босфорѣ. вмѣсто застроенныхъ

дачами каменистыхъ обрывовъ, гдѣ домики выглядывали изъ темной зелени деревъ и цвѣтушихъ кустарниковъ, гдѣ какъ стройные минареты на каждомъ шагу возвышаются темные кипарисы и зонтики пиній, вы видите передъ собою буростѣря скалы безъ признака зелени, рѣдко гдѣ небольшіе куски хлѣбныхъ полей. Это уже область степныхъ низкорослыхъ душистыхъ кустарниковъ—степей изъ мотыльковыхъ и губоцвѣтныхъ, замѣняющихъ въ Испаніи, Малой Азіи и Архипелагѣ полынныя степи юго-востока Россіи. Онѣ также унылы и однообразны на видъ, хотя флора ихъ и много богаче.

Мы быстро проносились мимо историческихъ береговъ пролива, мимо мѣстъ, «гдѣ погибла великая Троя», мимо кургановъ — по преданію, могилъ Гектора и Патрокла, уединенно возвышающихся на пустынномъ берегу. Теченіе водъ здѣсь уже было слабѣе, чѣмъ на Босфорѣ, гдѣ быстрота ихъ напоминала не рѣку, а потокъ; * но оно еще было замѣтно. Мало-по-малу зеленовато-голубыя воды становились чудными голубыми, того цвѣта лаписъ-лазури, какимъ, повидимому, обладаетъ одно только Средиземное море. Ни въ голубыхъ водахъ Индѣйскаго океана, ни въ Красномъ, ни въ Китайскомъ морѣ я не видалъ той яркости и интенсивности ярко-голубого цвѣта, какъ въ Архипелагѣ и на западѣ Средиземнаго моря.

Мы вышли изъ Дарданеллъ. Къ обѣду показался островъ Тенедосъ, а два слѣдующіе дня пароходъ прошолъ Архипелагъ въ виду острововъ: Лесбоса, Родоса и нѣкоторыхъ мелкихъ.

При такихъ классическихъ именахъ, какъ Родосъ и Хиосъ, невольно воображеніе рисуетъ живописные островки, увитые зеленью кипарисовъ, съ рощами маслинъ, лавровъ, миртовъ и розъ, съ классическими пастушками на зеленѣющихъ пастбищахъ. Ничего подобного не представ-

* Быстрота теченія Босфора усиливалась вліяніемъ вѣтра, дувшаго съ Чернаго моря.

ляется глазу плывущаго по Архипелагу. Всѣ поименованные острова, которые мы видѣли, равно какъ, по словамъ моряковъ, плававшихъ по Архипелагу, и всѣ прочіе, представляютъ изъ себя голыя желтобурыя скалы. Если, можетъ-быть, внутри и есть какая-нибудь зелень—снаружи ее во всякомъ случаѣ не видно. Снаружи это унылыя, безжизненныя скалы, вродѣ тѣхъ, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ Тифлисъ. Не видно ни жилья, ни дерева. Формация ароматичной Средиземноморской степи («хеторһиһіоі» грековъ) покрываетъ эти скалы сверху до низу. Архипелагъ представляется каменистыми верхушками затопленныхъ горъ, какими и являются эти острова въ дѣйствительности, если принимать объясненіе образованія Архипелага громаднымъ проваломъ горной страны, соединявшей Европу съ Азіей и затопленной водами Средиземнаго моря.

Но если детали очертанія острововъ Архипелага и даютъ весьма немного для взора пассажира, сами по себѣ они представляютъ волшебное зрѣлище. Вся атмосфера, наполненная разрѣдившимся туманомъ сѣвера, здѣсь голубая. Она, подобно голубой завѣсѣ, не даетъ глазу проникнуть въ даль моря. Островки Архипелага не являются, какъ обыкновенно, незамѣтными точками, постепенно разрастающимися до ихъ натуральной величины по мѣрѣ приближенія судна,—онѣ появляются на горизонтѣ уже на очень близкомъ разстояніи большими крупными скалами. Но сперва очертанія острова мутны, не отчетливы; вы не отличите его отъ плавающего надъ водами облачка. Но мало-по-малу контуры рѣзче и рѣзче вырисовываются на голубомъ фонѣ неба, отчетливѣе и темнѣе становятся выступы скалъ, долины, крутые склоны. Скоро весь островъ со всѣми деталями вырастаетъ передъ глазами. Можно, проѣзжая мимо, видѣть до послѣднихъ деталей всѣ его особенности. И точно также, по мѣрѣ удаленія парохода, онъ теряетъ ясность контура, также тонетъ, превращаясь въ голубоватое пятно,

чтобы уступить мѣсто другому такому-же, сначала неясному, напоминающему миражъ, призраку суши, vyplывающему изъ голубой дымки. Но вотъ скрывается послѣдній изъ нихъ—Родось—и просторъ Средиземнаго моря раскрывается во всѣ стороны отъ парохода. Еще день, и на этомъ голубомъ горизонтѣ покажется едва выдѣляющаяся надъ моремъ желтая полоска. Это—берегъ Африки, это—Портъ-Саидъ и начало Суэзскаго канала.

Войдя подъ защиту длиннаго мола, далеко вдающагося въ море, вы быстро приближаетесь ко входу въ каналъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Портъ-Саиду. Сейчасъ-же при входѣ вы вмѣстѣ съ тѣмъ и на набережной. Правильнымъ рядомъ, составляя вдоль берега прямую, широкую улицу, тянутся двухъ-этажныя постройки, обязательно снабженные какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажѣ балконами. Постройки эти съ плоскими крышами совершенно не имѣютъ азіатскаго облика. Это чистенькіе домики чисто европейской опрятности. Едва останавливается пароходъ, какъ отъ берега къ нему отплываютъ массы лодокъ, и черномазые арабы и феллахи на всѣхъ возможныхъ языкахъ, не исключая и русскаго, начинаютъ васъ звать къ себѣ. Мы сѣли на шлюпку «Москва», которая содрала по полфранка съ пассажира буквально за нѣсколько взмаховъ веселъ, необходимыхъ, чтобы доставить на берегъ. Вы выходите на берегъ, и передъ вами открываются улицы прямая, пересѣкающіяся подъ прямыми углами, чистыя,—рѣзкій контрастъ съ недавно покинутымъ Константинополемъ. Васъ сейчасъ-же окружаютъ толпы назойливыхъ чичероне, навязывающихъ на всѣхъ языкахъ свои услуги. Если послѣдовать за однимъ изъ нихъ, онъ поведетъ внутрь города по улицамъ съ такими-же кубическими трехъ-этажными постройками, какъ и на берегу, балконы которыхъ въ пространствѣ между колоннами защищены рѣшетками, довольно мало пропускающими свѣтъ, такъ что все зданіе имѣетъ видъ не то клѣтки, не то какого-то сундука съ ящиками. Нижніе этажи сплошь